

М. П. Жданов

Путевые записки по России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. П. Жданов**
Путевые записки по России / М. П. Жданов – М.: Книга по Требованию, 2015. –
218 с.

ISBN 978-5-458-14663-0

Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Могилевской, Витебской, Псковской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Симбирской.

ISBN 978-5-458-14663-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

большее вниманіе на сіи два предмета. Кромѣ того читатели найдутъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія о бытѣ жителей нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, о провинціальныхъ театрахъ и нѣсколько воспоминаній историческихъ. Впрочемъ я и не гонюсь за многимъ: очень можетъ быть, что люди, ученые по ремеслу, и не найдутъ для своихъ занятій много пищи въ моихъ запискахъ; во всякомъ случаѣ однакожъ, не теряю надежды, что меня не поставятъ наравнѣ съ сочинителями сентиментальныхъ или ужасныхъ повѣстей и кропателями журнальныхъ статей.

С. Петербургъ. Мнѣ предстоитъ большой путь: я долженъ объѣхать губерній двадцать. А посвятивъ двадцать губерній, хоть бы то было и въ продолженіе одного лѣта, можно видѣть много любопытнаго и занимательнаго. И такъ стану записывать, что видѣлъ, слышалъ, или чувствовалъ. Планъ моего путешествія... но планы можетъ составлять только путешественникъ *par profession*, какойнибудь вѣчно-странствующій Англичанинъ; онъ только можетъ сказать себѣ: «Остановлюсь тамъ-то, проведу столько времени въ такомъ-то мѣстѣ, осмотрю то и то.» Когда же ѣдешь не по собственному произволу; когда въ какойнибудь незначительной деревушкѣ нужно прожить двѣ, три недѣли, и не болѣе двухъ, трехъ часовъ посвятить на осмотрѣніе замѣчательнаго мѣста,—тутъ не до плана: пиши что видѣлъ, хотя это и не такъ любопытно, и про-

пускай, чего не удалось посмотреть, хотя бы это было гораздо любопытнѣе.

Отъѣздъ мой назначенъ былъ 7 мая 1838 года. Прекрасное свѣтлое утро предвѣщало, по-видимому, счастливый выѣздъ. На Васильевскомъ Острову живетъ Ф. Л. Бр....., который вмѣстѣ со мною отправляется. Я обѣщала пріѣхать къ нему съ моею клажею, чтобы отъ него пуститься въ дальнюю дорогу, и уже готовъ былъ отправиться за моимъ спутникомъ. Не тутъ-то было: по милости Ладожскаго Озера, дѣлающаго для насъ май ноябремъ, Нева покрыта бѣлой пеленой и мосты всѣ сняты. Какъ непріятны даже маленькія препятствія въ исполненіи нашихъ желаній! Кажется, все равно: выѣхать часомъ, днемъ ранѣе или позже; но нѣтъ, досадно: почему не дѣлается по нашему! На этотъ разъ мнѣ даже не съ кѣмъ было раздѣлить моего горя: добрый товарищъ и пріятель мой, съ которымъ мы жили вмѣстѣ, простился со мною и побрелъ обычнымъ путемъ на службу. Грустно разставаться съ человѣкомъ, къ которому привыкъ какъ къ родному! Но обратимся къ нити похождения. Бьетъ девять часовъ, говорятъ ледъ идетъ еще; терпѣнія нѣтъ! Надѣвъ сюртукъ, фуражку, иду самъ къ Воскресенскому Мосту, — ледъ довольно большой и, кажется, нельзя моста навести. Что дѣлать? Простившись съ

родными, съ знакомыми, идти къ нимъ опять, и притомъ въ дорожномъ платьѣ, какъ-то неловко. Проходя мимо Таврическаго Сада, я зашелъ туда съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть оранжереи, теплицы. У воротъ маленькой солдатикъ заградилъ мнѣ путь, говоря: «безъ билета не приказано пускать.» Кто здѣсь главный садовникъ? спрашиваю я. Онъ назвалъ какую-то русскую фамилію. «Да гдѣ же Нѣмецъ?»—Я здѣсь недавно-съ, Нѣмца не знаю, спросите вонъ тамъ,—сказалъ онъ, указывая на домикъ. Меня провели въ садъ къ Г. Никольсону, Мартыну Никитичу. Работники при немъ равняли парники; онъ привѣтливо поклонился и спросилъ, кто я, и, по объясненіи, вызвался самъ показать мнѣ, что есть у него любопытнаго въ оранжереяхъ и въ саду. Угодно вамъ въ-слѣдъ за нами, читатель? Не смѣю водить васъ по Таврическому дворцу: его великолѣпныя залы и прекрасныя статуи вы уже, вѣроятно, видѣли, и не разъ. Но оранжереи, это другое дѣло: — тамъ непосвященный въ ботанику не много пойметъ безъ указателя; а Мартыну Никитичу нѣтъ возможности, не-смотря на его привѣтливость, служить указателемъ всѣмъ и каждому.

«Вотъ, — сказалъ онъ, указывая на зеленѣющійся живой заборъ, «растеніе по здѣшнему климату очень полезное, — это *Cretagus sap-*

guinea (aulerine, боярышникъ); оно природное сибирское, очень густо сплетается и для изгородей весьма хорошо.» Мы пошли далѣе: «Вотъ школы разныхъ кустовъ, заведенныя по приказанію Императора Александра,—здѣсь было прежде болото; вотъ разсады боярышника на грядахъ;—когда онъ поднимается, его тотчасъ надобно пересаживать. Нашъ климатъ не благопріятствуетъ садоводству. Взгляните на эти кусты ginesta tinctoria (дрока); — прекрасное растеніе, изъ котораго готовится желтая краска, — оно все вымерзло, но, кажется, еще оживеть.» «Кстати», продолжалъ мой вожатый, «пойдемте въ другую сторону, я покажу вамъ удивительное явленіе: кустовыя деревья природныя сибирскія, называемыя аблапихра, (*) побиты морозомъ только въ женскомъ родѣ, мужскаго же рода всѣ цѣлы.» Я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ, что стебли женской аблапихры поблекли: вѣточки, вырѣзанныя ножомъ, были черны; а мужскіе завязались почками. Нѣсколько кустовъ этого растенія генераль Капцевичъ прислалъ изъ Сибири, и оно разводится довольно успѣшно. Въ Сибири изъ ягодъ его, какъ говорятъ, дѣлаютъ

(*) Это просто обльпиха, какъ я послѣ узналъ отъ одного жителя Сибири, такъ называемая потому, что вѣтви ея обльплены наростами.

сокъ, вкусомъ похожій на лимонный. Въ оранжереяхъ, указавъ мнѣ не нѣкоторыя деревья и цвѣты, какъ то: *Samelia saropica* (камелія), прекрасное, довольно высокое дерево, имѣющее разные цвѣты на разныхъ стебляхъ, и нѣсколько родовъ розъ,—Никольсонъ замѣтилъ, что весьма выгодно было бы разводить розы въ южныхъ губерніяхъ и доставлять сюда. За сто горшковъ мохъ-розы цвѣточники заплатили ему 350 р., а сами продають отъ 5 до 7 р. 50 к. за горшокъ. *Formium tinix* — рѣдкое растеніе: листья его широки, длинны и чрезвычайно крѣпки; въ Голландіи дѣлають изъ нихъ волокно и вьютъ веревки.— Кажется, сказалъ садовникъ, Министръ Финансовъ хотѣлъ выписать нѣсколько горшковъ этого растенія. Винограду (собирается до 50 пудъ ежегодно), ананасовъ, персиковъ, абрикосовъ въ оранжереяхъ очень много. Достойна замѣчанія паровая ананасная теплица, въ которой ананасы, посаженные въ землю, нагрѣваются парами: въ ней растутъ они скорѣе, чѣмъ въ обыкновенной. Паровой снарядъ стоитъ до двухъ тысячъ рублей.—«Все это очень хорошо; но вы обѣщали рассказать намъ, что дѣлается въ двадцати русскихъ губерніяхъ, а вмѣсто того водите насъ по оранжереямъ Таврическаго Сада.»

Очень знаю, почтенный читатель, и очень ви-

новать; но что дѣлать: капризница Нева видно разсердилась на моего товарища, и, сговорившись съ Ладожскимъ Озеромъ, не позволяетъ надѣтъ на себя деревяннаго пояса и не пускаетъ спутника моего съ Васильевского Острова. Наконецъ и онъ, даромъ-что Нѣмецъ, а вышелъ изъ терпѣнія, даже разгорячился: вынулъ красенькую, да синенькую, и русскіе мужички, на большой лодкѣ, переправили черезъ Неву его грузную карету. Мы условились съѣхаться въ двѣнадцать часовъ у одной изъ его знакомыхъ въ Коломнѣ, откуда должны будемъ отправиться въ путь.

Пробило двѣнадцать часовъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ! Родственница его, милая молодая женщина, оставила меня обѣдать и до семи часовъ говорила со мною. Ну, почтенный товарищъ, благодарите ее за внимательность къ незнакомцу, иначе много неласковыхъ словъ обратилось бы на васъ отъ нетерпѣливаго вашего спутника! Шестъ часовъ пролетѣли очень быстро: сожалѣю, что это пріятное знакомство было такъ непродолжительно! Наконецъ добрый товарищъ мой явился со слезами на глазахъ: онъ прощался съ своимъ семействомъ. Мы съѣли въ четверомѣстную — и вотъ, Слава Богу, за заставой.

Скоро скрылись изъ виду Петербургъ, Чесма, гдѣ нынѣ Ивалидный Домъ, Царское Село.

Вотъ уже мы перѣхали границу Петербургской губерніи. Какъ здѣсь, такъ и въ Новгородской губерніи, прекрасная, убитая щебнемъ дорога (шоссе), гладкая какъ полъ: кати, валяй! Не тугъ-то было: передній кулакъ въ каретѣ стукъ да стукъ о сундукъ (какъ не кстати эта рѣкома);— нечего дѣлать, остановились въ Помераньи. Сожалѣнія, участія или гостепріимства не ищите на большой дорогѣ, особенно на Московской! Народъ здѣсь православный: при несчастіи рады послѣднюю копѣйку вытащить! Съ насъ взяли десять рублей за то только, чтобы поднять карету, т. е. ремни укоротить. Не дурно бы завести при станціяхъ мастерскія, предоставивъ имъ право за опредѣленную цѣну чинить экипажи проѣзжающихъ.

Влѣво отъ станціи Чудово (13 верстѣ) лежитъ село Грузино, принадлежавшее Графу Аракчеву. Желаніе познакомиться съ мѣстомъ пребыванія столь извѣстнаго человѣка въ царствованіе Императора Александра побудило меня отправиться туда. Отъ большой дороги къ Грузино вытянуто шоссе, гладкое какъ скатерть, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно близъ селенія, очень возвышенное. Удалая тройка мчитъ тележку мою, колокольчикъ заливадается,—только держись! За четыре версты до Грузино, по обѣ стороны дороги синѣются озера и заливы; прѣ-

мо видѣнь хорошенькій въ зелени городокъ. Я думалъ, что какъ разъ влечу на дворъ къ бывшему боярину. Нѣтъ, постойте, сударь, не торопитесь, есть маленькая преграда: разостлался широкій Волховъ и просить прежде прокатиться въ лодочкѣ! (Моста нѣтъ). Съ лѣваго берега крестьяне нагружаютъ на барки сѣно для сплава въ Петербургъ. Я оставилъ почтовую тележку, сѣлъ въ рыбацью лодку и переѣхалъ на другую сторону. Красивыя каменные башни, съ комнатками внутри, стоятъ на берегу, чугунныя рѣшетки оцѣпляють сѣи строенія и садъ; не вдаль видѣнь гротъ и въ немъ простая, окрашенная масляною краскою лодка, съ веслами. Любопытно было узнать, что побудило къ сохраненію этихъ вещей. Надпись золотыми буквами на доскѣ объясняетъ недоумѣніе: *«Въ этой лодкѣ покойный Государь Александръ Павловичъ переправился черезъ Волховъ съ Графами Толстымъ и Аракчеевымъ.»* Меня вѣжливо встрѣтилъ полицеймейстеръ, (унтеръ офицеръ), сказавъ, что управляющій имѣніемъ въ отсутствіи, голова занять слѣдственнымъ судомъ, но что онъ самъ все мнѣ покажетъ.

Отправясь вправо, мы увидѣли два большіе каменные флигеля, въ которыхъ помѣщается отдѣленіе Дворянскаго Корпуса, а на горѣ — величественный Соборъ, гдѣ погребень Графъ Арак-